

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Дарья Жалинина



Луч света
в темной
коммуналке



Смешные детективы

Дарья Калинина

Луч света в темной коммуналке

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Луч света в темной коммуналке / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2019 — (Смешные детективы)

Молодой петербуржец Дима – прирожденный актер. Это не только его призвание, но и профессия. За небольшой гонорар он готов изобразить и неверного мужа, и хулигана соседа, и даже дряхлую старушку! Люди решают с его помощью свои проблемы, но в этот раз в переплет попадает он сам... Попав на вечеринку очередного своего заказчика, Дима становится свидетелем покушения на знакомую невинную девушку. Другое задание сталкивает его с семьей мнимых аристократов. Да и у самого актера объявляются странные родственники... Вскоре Дима понимает, что оказался героем трагедии, какая и не снилась великим драматургам!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Калинина Д. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дарья Калинина

Луч света в темной коммуналке

© Калинина Д.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава 1

Забывчивость и рассеянность были его второй натурой. Он умудрялся забывать номера телефонов друзей и самих друзей, чьи номера записывал. Он терял и забывал свои смартфоны всюду с таким постоянством, что давно уже стал самым постоянным и любимым клиентом ближайшего к его дому салона сотовой связи. Там его знали, ждали и встречали, почти как родного.

– Снова потеряли свой телефончик, Юрий Степанович? – щебетала при его появлении приветливая девочка Люсенька. – Ну, как же так!

Расстраивалась она совсем не притворно. И вообще, девочка была очень славная. Юрий Степанович подолгу задерживался возле Люсеньки, потому что ему было приятно смотреть на ее голубенькие глазки, нежный овал лица, почти снежно-белые забранные в хвост на затылке волосы. Худенькая, подвижная, она двигалась и говорила так быстро, что Юрий Степанович не успевал уследить за ней. При этом голосок Люсеньки звучал мелодично и напоминал собой звон колокольчика. Юрию Степановичу казалось, что он мог бы слушать этот голосок хоть до конца своих дней. Иногда он так ей и говорил.

Но Люсеньку это не впечатляло. И общение между ними развивалось по одному неизменному сценарию: Люсенька говорила, пожилой клиент кивал седой головой, даже не пытаясь вслушиваться во все эти пиксели, гигабайты, три, четыре, а потом уже и пять джи, которые где-то появились и которые обязательно надо было приобрести.

И Юрий Степанович приобретал все, что предлагала ему милая Люсенька. И уходил с очередной обновкой, сопровождаемый насмешливыми взглядами продавцов, прекрасно знающих, что уже через неделю, максимум через две, а может, уже через несколько дней или даже прямо сегодня этот чудакватый старик явится к ним за очередным смартфоном.

– И ведь недешевые модели всегда берет. Вы это замечали?

Старший продавец Юра – тезка их загадочного клиента – в который раз завел разговор, который неизменно начинался в салоне после очередного визита странного покупателя.

– Одет в какие-то обноски, обут так, что слезы наворачиваются, а смартфоны берет не из последних.

– Так потому на одежду и не хватает, все у нас спускает.

– Интересно, где он раньше отоваривался? Говорит, что живет всю жизнь на Петроге, а у нас появился лишь месяц назад. Где он раньше-то был?

Но большинство волновало другое.

– Люсинда, ты бы пожалела старика.

На Люсеньку жалко было смотреть, так она покраснела.

– Что я могу? – лепетала она. – Я и так ему всегда лучшую скидку делаю.

– Знаю я твои скидки. Предложила бы ему модель попроще. Вот за пару тысяч есть, звонят, время показывают, даже в Интернет с них выйти можно. Зачем же ты ему всякий раз те модели подсовываешь, которые в десять раз дороже?

– Я не виновата, – оправдывалась Люсенька. – Он сам такие просит. Подороже.

– Ну, ясно! Значит, впечатление хочет произвести.

– На кого?

– На тебя, на кого же еще! Влюбился старик, не иначе. Вот и скачет вокруг тебя, как подходящий предлог придумать, не знает.

– Скажете тоже!

Щеки Люси трогательно розовели при малейшем смущении. Она ничего не могла поделать с этим внезапным румянцем, который моментально выдавал все ее чувства.

Прочие служащие салона сотовой связи так и покатались со смеху.

– Ох, и повезло тебе, Люська! Кавалер-то богатый.

– Не моргнув глазом, по стошке в месяц на смартфоны тратит.

– Не иначе, генерал в отставке или академик какой.

– Видно же, что помрет скоро, еле ноги старик таскает. Так ты, Люська, богатой вдовой останешься. У него квартира почти сто сорок метров и денег куры не клюют. Чего ты теряешься?

– Отстаньте! – умоляла продавцов Люсенька. – Как вам не стыдно! Юрий Степанович просто хороший человек. И ко мне он относится как к дочке.

– Скорей уж, как к внучке!

И все служащие, включая голубоглазую Люсеньку и ехидного Юрика, очень сильно бы удивились, узнай они одну вещь. Пройдя всего несколько десятков метров и завернув за угол, их удивительно забывчивый клиент утратил сгорбленность и шаткость походки, зашагал споро и быстро, как совсем молодой человек. Казалось, что с каждым шагом он все молодеет и молодеет. Пройдя полсотни метров, старик остановился возле новенькой «Киа», только две недели как из салона.

Внедорожник цвета алой зари. Белый кожаный салон. Пижонская машина, неизменно привлекающая к себе взгляды. Совсем неподходящая машина для пожилого степенного мужчины. Но тем не менее машина принадлежала Юрию Степановичу. И стоило старику оказаться возле машины, приветливо шелкнула и загудела, разворачивая зеркала и опуская подножку для своего хозяина.

Юрий Степанович небрежно кинул на пассажирское сиденье коробочку с новым смартфоном, а затем внезапно сделал еще более удивительную вещь. Он окончательно распрямил плечи, выпрямил спину, смачно потянулся и одним движением руки снял со своей головы седой скальп. Кто бы увидел, ахнул. Но ничего страшного не случилось. Кровь не брызнула. В руках у Юрия Степановича был всего лишь его парик, под которым обнаружили прекрасные темно-русые кудри.

Помолодевший мужчина обошел вокруг машины. Походка Юрия Степановича тоже совершенно изменилась, куда-то исчез шаркающий стариковский шаг и скованность в суставах. Теперь перед всеми стоял молодой мужчина, неполных тридцати лет, статный, красивый и весьма любящий такого рода забавы с переодеваниями.

Звали его вовсе не Юрием, и отец его был вовсе не Степаном. Это имя-отчество прилипло к нему вместе с ролью, которую его наняли играть. Настоящее имя молодого человека было Дмитрий. И был он недоучившимся актером, изгнанным с последнего курса театрального училища за неподобающее поведение, а другими словами, за розыгрыш одного из старых педагогов, который юмора не понял и потребовал выгнать пусть и талантливую, но слишком уж заносчивую и много вообразившего о себе студента. Наверное, преподаватель рассчитывал, что тот пропадет, но Дима не только не пропал, но вроде как даже преуспел. Много раз он потом вспоминал добрым словом этого преподавателя, не оценившего его шутки.

– Если бы не этот старый хрыч, играть бы мне сейчас в какой-нибудь захудалой областной труппе. В приличный театр без связей и особых способностей не пробиться. А так без образования мне и в третий состав ход закрыт. Хочешь или не хочешь, приходится теперь прокладывать в жизни свой собственный путь.

К своему амплу пародиста известных и неизвестных, но просто колоритных персонажей Дима пришел не сразу. Перевоплощение всегда интересовало его, но чтобы сделать его своим источником дохода, это ему вначале и в голову не приходило. Для этого нужно было время. Но постепенно Дима оброс связями, нашлись откуда-то клиенты, и дело пошло. Кому-то нужно было предъявить бабушку-старушку перед внезапно нагрянувшими в гости сотрудниками опеки. Кому-то был нужен супруг, который исчез при невыясненных обстоятельствах

много лет назад. Кто-то вдруг желал видеть ненавистного соседа, чье отсутствие стало слишком уж тревожить других чрезмерно любопытных соседей и полицию.

Дима изображал всех. И ему было плевать, что упомянутая бабушка давно и не по своей воле отбыла в частный пансионат, а по факту дом для престарелых, где питается скромно и постно и заново учится духу коллективизма, для чего делит комнату с еще тремя соседками. А всем ее имуществом, включая шесть квартир в городе, складские помещения и участки земли, вовсю пользуются ее внуки и внучки, сбавившие бабушку с глаз подальше.

И совсем мало волновало Диму и то, куда и почему исчез муж его клиентки, а также почему она в положенные сроки не уведомила о его исчезновении власти, а предпочла жить так, словно бы он никуда и не исчезал. Тот факт, что это могло быть связано с неприятной дележкой наследства после супруга с двумя его отпрысками от прежних браков, Диму не смущал. В конце концов, дети сами виноваты, если не смогли распознать в своем отце переодетого актера. Навещай они папочку почаще, мигом бы сообразили, что перед ними совсем другой человек.

Ну, и забивать себе голову судьбой соседа, который слишком уж допекал его клиента и потому у полиции возникли некоторые вопросы относительно исчезновения соседки, тоже не хотелось. Дима мастерски изображал его присутствие, копаясь на чужих грядках и ругаясь через забор на любопытных, и полиция удовлетворялась этой проверкой.

В общем, жизнь Дима теперь вел увлекательную и незаурядную. Хотя сам он ничего необычного в своей карьере не видел. Дима просто делал то, о чем просили его люди, и наслаждался самим процессом хорошо выполненной работы. В конце концов, он был актер, а для актера игра – это и есть его работа.

Вот только нынешняя игра была не просто обычной игрой, она еще и приносила ему очень и очень приличный доход. Настолько приличный, что даже предпочитающий никогда не задумываться Дима все-таки начал задумываться. Очень уж большие деньги он нынче огребал. И делать-то было ничего не надо, только ходи себе в один и тот же салон да изображай там перед продавцами эдакого чудака маразматика с нехилым баблом на кармане. И смартфоны все можно было оставлять себе. Таков был уговор с заказчиком.

Поэтому-то Юрий Степанович и просил у милой Люсенки показать ему пусть и не самые современные и навороченные модели, но и не дешевки, от которых презрительно отворачивался. Все эти смартфоны, пусть и с некоторой скидкой, Дима впоследствии перепродавал, чем еще больше укреплял свое благосостояние. И все бы ничего, но точил его червячок сомнения. Как-то очень уж хорошо все складывалось. А когда все идет гладко, жди в скором времени беды.

В таких тревожных мыслях Дима сел в машину и отправился к себе домой. Припарковал «Киа» он не у себя во дворе, а через два дома. Мера предосторожности, которая всегда не лишняя. Но при прощании с «Киа», которая вновь приветливо погудела хозяину на дорожку и тут же мягко свернула свои зеркала и прижала их, словно зверек ушки, с Димой случилось нечто.

Стоило ему остаться одному снаружи, как тут же он затылком почувствовал чужой взгляд. Недобрый, внимательный и цепкий. Дима обернулся, обвел взглядом двор. Вроде бы ничего необычного, никто на него не смотрит. Но взгляд не отпускал. Дима начал сканировать окна окружающих его домов. Но окон много, поди догадайся, за каким из них прячется любопытный.

И уже направляясь к арке, ведущей на улицу, Дима вновь невольно поежился от неприятного холодка под ложечкой. И это повторялось за последнее время уже не первый раз.

– Похоже, за мной ведется наблюдение.

Но кто мог за ним следить? Неужели люди клиента? Очень возможно, ведь машина тоже была подарена Диме клиентом. Хорошая машина, совсем недешевая. Не без внутреннего

содрогания Дима отдал за нее в салоне почти два миллиона чужих денег и теперь чувствовал, что их сделка с заказчиком сильно кренится в одну сторону. Пока что клиент сделал для Димы значительно больше, чем Дима, в свою очередь, сделал для клиента. И Дима чувствовал, что скоро с него могут потребовать нечто, что выровняло бы их сделку.

Но что это будет за задание? Этого Дима пока что не знал. И такая неизвестность, мягко говоря, заставляла биться его сердце. Нет, Дима не был трусом, но он обладал даром предчувствовать грядущие неприятности. И сейчас это его чувство уже не подсказывало, а кричало во все горло, что он, похоже, все-таки вляпался. Дима зашел в магазин, чтобы купить продуктов к обеду. Есть совсем не хотелось, аппетит отсутствовал начисто, но если чего-нибудь не пожевать, то будет совсем плохо. Это он знал по собственному опыту. Организм без определенной порции жиров, белков и углеводов начинал бастовать.

Продавщица была старой его знакомой. У Димы когда-то даже был с ней кратковременный, но тем не менее бурный роман. Но потом то ли соседи что-то настучали ее мужу, то ли самому мужику надоело мотаться в Сибирь качать газ вахтенным способом, только исчезать надолго он перестал. Соответственно, завяли и Димины отношения с Натусенькой. Но ни тот, ни другая не были в этом виноваты, поэтому симпатия между ними сохранилась.

И сейчас Наташа радостно улыбалась Диме:

– Гости к тебе приехали! Поздравляю!

– Какие гости?

Никаких гостей Дима не ждал. И сейчас неприятно удивился их появлению. Но Натусенька наблюдательностью не отличалась и продолжала радоваться.

– Как же! Дедушка твой приехал! Полчаса назад приходил, о тебе спрашивал. Водки купил целый ящик. Да не абы какой, а вон той. И еще колбаски на закуску. Сказал, что хочет посидеть со своим внучком, которого не видел много лет.

Дима вновь ощутил холодок под ложечкой. Один его дедушка умер как раз в год его поступления в училище – как все в семье утверждали, просто не выдержал позора оттого, что его единственный внук будет паяцем. Что Дима из приличного человека станет скоморохом, примется кривляться на сцене, когда все их предки по мужской линии имели серьезные уважаемые инженерные профессии. И вдруг нате вам, такой конфуз, внук – клоун! Но дед Диму любил, поэтому вслух ему ничего не сказал, отговаривать тоже не стал, а просто тихо помер, оставив Диме в наследство помимо счета в банке и прочего еще и ту комнату в большой и шумной питерской коммуналке, которую Дима сейчас и занимал.

Второго своего деда Дима вообще не знал, потому что тот преставился еще до его рождения. И два раза в год на Троицу и на Радуницу они все неизменно ездили на его могилку. Так что сомнений в том, что оба деда померли, у Димы не было. Откуда же взялся еще один дед?

Видимо, испытываемые Димой чувства все же очень сильно отразились у него на лице, потому что даже Натусенька встревожилась:

– Что такое, Димуль? Не рад дедушке? А он мне показался таким славным. Маленький, кругленький, голова лысая, лысина розовая и блестит, а бородища до пояса. Гном, а не дед! Ты не думай, он тебе в тягость не будет. И водку взял самую дорогую, и колбаску сырокопченую из элитных сортов. И сам одет хорошо. И часы на запястье золотые болтаются. И в машину с шофером сел, так что ты не сомневайся, такого деда еще поискать. А машина-то какая! Большая, черная и вся в хроме, блестит так, что глазам больно на нее смотреть.

Слова Натусеньки окончательно вогнали Диму в ступор, потому что он отлично знал, что никаких богатых похожих на гномов дедушек у него в родне нет. Их семью вообще нельзя было назвать сильно богатой, так, среднего достатка люди. Не голодали, конечно, но чтобы золотые часы носить или машины с личным шофером иметь, таких привычек за его родственниками не водилось.

На всякий случай Дима позвонил своей единственной живой бабушке. Спросил у нее про дедушку-гнома. Может быть, какой-нибудь двоюродный? Но нарвался на бабулю в плохую минуту, когда старушка только что пообщалась с районной поликлиникой и поэтому пребывала в воинственном настроении. Она накинулась на внука и строго отчитала его:

– Ты можешь месяцами не навещать нас с твоей матерью и отцом, но стыдно забывать историю своей семьи. Ты должен помнить, что оба твоих деда были единственными сыновьями в своих семьях. Так что двоюродные бабушки у тебя были, а двоюродных дедов быть не могло!

Про троюродных Дима даже и заикаться не стал. Чувствовал, что ничем, кроме очередного выговора, это не кончится. Если бы бабушка знала родственника с такой внешностью, она бы об этом внуку сказала сразу же. Идти домой Диме что-то резко расхотелось. Если дед спрашивал его, наверное, он и его адрес знает. А возможно, и еще много чего про Диму знает, неспроста же он подвалил с разговором именно к Натусеньке, с которой Дима из всех прочих продавщиц магазина был связан теснее всего.

От этих мыслей Дима совсем приуныл. Деда гнома его внутреннее чувство воспринимало как опасность. И если уж их встреча неизбежна, Дима решил заручиться свидетелями. Позвонил своему соседу – Коле, чтобы выяснить, где он. Коля оказался дома, отсыпался после ночной.

– Какой еще дед? Никто к тебе не приходил. Галя, слышь, Димка говорит, дед его объявился.

Но Галя тоже сказала, что никакого деда не видела. И вообще, никто посторонний к ним сегодня не приходил, а приходили только свои. А к Ларионовым из угловой комнаты снова нагрянули родственники в числе пяти штук, включая трех шумных отпрысков в возрасте от трех до десяти лет, которые носятся по всей квартире, всюду суют свои носы, шумят и мешают отдыхать людям.

– Да, еще новость, Гаврилыч в запой ударился, и недели не продержался, собака! Спер деньги у Никитиной, а той через три дня улетать в Крым, так что можешь себе представить, как у нас и без твоего деда весело.

Слова соседки Диму приободрили. И потом, с чего он взял, что гном спрашивал именно его? Разве мало разных Дим живет в окрестностях? Наверное, дед собирался к какому-нибудь другому Диме, а Натусенька по бабской глупости сразу подумала на своего Димочку, пожелала ему богатого дедушку в родственники. Так, убеждая себя в том, что все в порядке, Дима поднялся к себе наверх на третий этаж. На лестнице снова ничего подозрительного не обнаружил. И совсем успокоившись, зашел в двери своей квартиры, где на него сразу же обрушился мощный удар тяжелой когтистой лапы.

Сначала Дима решил, что на него напал настоящий медведь, потому что у этого чудовища была огромная клыкастая морда, у него были лапы с длинными когтями, он рычал, а его длинная мохнатая шерсть по-настоящему сильно пахла диким зверем. Отступать было некуда, позади была закрытая дверь. Поэтому Дима приготовился подороже продать свою жизнь.

Для этого он заорал и схватил со шкафа лыжи, которые тут хранились круглый год за исключением двух-трех зимних дней, когда их забирал Гаврилыч и отправлялся кататься на них в Кавгалово или Сосново. Последние несколько лет Гаврилыч вообще никуда не ездил, поэтому лыжи тихо пылились на шкафу и, наверное, очень обрадовались, когда наконец про них вспомнили. Лыжи были длинные, прочные и крепкие, сделанные еще в СССР, и отличались приличной увесистостью. Для катания, может, и не очень, а для драки с медведем в самый раз. Вот этими лыжами Дима и начал размахивать перед мордой зверя. Махнул раз, махнул другой, надеясь отогнать зверя.

– Ну ты, с-с-скотина! Уходи!

Но тут из-под брюха чудовища раздался такой задорный детский смех, что Дима сразу понял – опасность миновала. И нет никакого зверя, это всего лишь шкура, и что под шкурой скрываются три молодых хулигана, трех, семи и десяти лет.

– Развели! Мы его развели!

Старший поставил себе на плечи среднего, средний усадил на закорки младшего, и все вместе они накинули на себя шкуру медведя. Шкура была самая настоящая, с мордой, лапами и даже небольшим хвостом. Видимо, это был подарок Ларионовым от их родственников из глубинки, где до сих пор водились такие вот медведи. Дети были в полном восторге от того, как здорово им удалось напугать взрослого дядю. Они остались в засаде возле дверей, карауля возвращение следующих жильцов, а Дима получил возможность отдышаться и пройти дальше к себе в комнату.

Глава 2

Но не успел он прийти в себя и сделать несколько шагов по длинному коридору, как из комнаты Гаврилыча вытянулась волосатая рука, которая буквально втянула Диму к себе. Одного взгляда хватило, чтобы понять – Гаврилыч был пьян в стельку. И пил он уже давно. Стол был буквально уставлен пустыми бутылками. Тут были бутылки от водки, пива и даже мадеры. Похоже, к Гаврилычу приходила дама, которую он и угощал десертным вином.

– При... присаживайся!

Гаврилыч несколько раз пьяно икнул и толкнул Диму к столу. Сам тоже шагнул следом. Бутылки задребезжали, когда грузное тело Гаврилыча навалилось и качнуло стол. Хозяин принялся шарить среди бутылок, потом, не спрашивая, налил Диме в стакан чего-то мутного и пахущего гвоздикой, мятой и перцем, плеснул себе и тут же выпил.

– Разговор к тебе есть. Пей!

Дима сделал вид, что пригубил. Но едва сунул нос в стакан, как содрогнулся. И как можно пить такую гадость? Он поднял растерянный взгляд на Гаврилыча. Тот пьяно покачивался, не спеша начинать свой разговор. И Дима в очередной раз подумал, что жизнь в коммунальной квартире имеет помимо плюсов еще и минусы. Вот, скажите, зачем он продолжает жить в этой огромной и шумной питерской коммуналке на Петроградской стороне? Да, конечно, центр города. Выйдешь, вот тебе и Большой проспект, вот тебе и Большая Пушкарская. Магазины, бутики, променады и все такое. Но если вспомнить все остальное, то лучше перебраться в студию где-нибудь на окраине. Выглянешь утром из окна, а вокруг сплошные поля новеньких сверкающих разноцветными красками многоэтажек. Одна другой выше. Одна другой краше. Красота! Глянешь вниз, аж дух захватывает от высоты и обилия припаркованных машин под домом. А тут что? Максимум пять-шесть этажей, и все. И машины стоят где-то на улице, в зеленый двор им ходу нет.

Но Дима знал, почему не съезжает. Да, квартира была коммунальной, но все жильцы жили тут по много лет. Почти всех их Дима знал еще с детства. Родители привозили его к бабушке с дедушкой на все выходные, а также зимние, весенние и осенние каникулы. Если Диме случалось заболеть, то лечился он тоже у дедушки с бабушкой. Так что с обитателями коммуналки он был знаком столько, сколько помнил самого себя. Кто-то из них женился, кто-то умирал, но уезжать почти никто не уезжал. И Дима за эти годы фактически сроднился с ними. И тоже уезжать от этих людей не собирался.

Хороший сосед ближе дальнего родственника.

Вот и Гаврилыча, сильно пьющего последние годы, Дима помнил еще работающим мужем. Вот только в девяностые его завод закрылся, работы не стало, и Гаврилыч как-то растерялся. Стал выпивать, чтобы хоть с помощью спирта смягчить общую несправедливость, происходящую в стране. Сначала пил немного, потом больше. Была у него женщина, ушла от него, когда стало ясно, что Гаврилыч пристрастился к водке уже основательно и порывать с ней не собирается. Последующие дамы сердца хоть и появлялись периодически, но каждая новая выглядела все потрепанней и страшней своей предшественницы.

Но Дима помнил Гаврилыча еще нормальным дядькой. И тот помнил, что Дима его таким помнил. И ценил. И даже любил его за это по-своему.

– Слушай меня, Димка, – произнес Гаврилыч, когда оказалось, что мутного и пахучего напитка в бутылке больше не осталось. – Есть у меня один кореш... Не кореш, а так... Знакомый, выпиваем мы с ним вместе.

Других «знакомых» у Гаврилыча нынче и не водилось, так что мог бы и не говорить.

– У него есть теща... Щас я тебе ее фотку покажу.

И Гаврилыч и впрямь извлек из кармана страшно потрепанную временем бумажную фотографию, на которой была запечатлена большая семья. Дима насчитал семь человек взрослых и пятеро детей. Две девочки-близняшки лет по десять выглядели какими-то зашуганными. За ними стоял мальчик чуть постарше, наверное, их брат, и еще один мальчик был совсем маленький, он сидел на коленях у усатого старика в первом ряду. Пятый мальчик привлек к себе внимание Димы, потому что он разительно отличался от остальных членов этой семьи. Все они были типичными русаками, а этот ребенок был брюнетом, с чуть раскосыми азиатскими глазами, плоским лицом и широкими скулами.

Интересно, как он затесался на эту фотографию? Приятель кого-то из детей? Случайно зашел в гости и попал на снимок? Не похоже, потому что карточка явно студийная. Чужого ребенка в фотоателье просто так с собой не поведешь. И потом по возрасту этот мальчик не подходил в товарищи никому из детей. Ему было лет пять, сомнительно, чтобы кто-то из взрослых детей согласился бы играть с таким сопляком. А младший вообще в друзьях еще не нуждался, а нуждался в соске. Так кто же этот пацаненок с лицом китайца?

Но от этих мыслей Диму отвлек Гаврилыч.

– Сюда смотри, – велел он. – Вот она.

И Гаврилыч ткнул пальцем в тетку, стоящую с краю фотографии. Вид у нее был, прямо сказать, странноватый. На голове шляпка, украшенная чучелом какого-то зверька – то ли мелкой лисы, то ли барсука, то ли соболя. Или это ласка? Или норка? Платье производило еще более ошеломляющее впечатление. Туго облегающее торс, бюст и бедра, оно было сшито из какой-то переливчатой ткани. Ворот был украшен мехом, который спускался по рукам почти до самой талии. Лицо женщины было ярко раскрашено. Синие тени, пунцовые губы, алые щеки. На руках столько браслетов, что они закрывают кожу почти до локтей. Пальцы унизаны перстнями.

– Чудаковатая дамочка.

– Это ты ее еще сейчас не видел. Фотографии этой почти тридцать лет. Тут она еще сравнительно нормальная. Но за эти годы она окончательно спятила, можешь мне поверить. Витька говорит, что теща тащит к себе в квартиру весь хлам, который находит на помойках. С бомжами дерется за добычу и всегда их побеждает. Они ее боятся. Пытались напасть на нее целой ватагой, она все равно их разогнала, а двоим так накостыляла, что они теперь ее за километр обходят.

– Представляю себе масштаб катастрофы.

– Нет, не представляешь. Увидишь, тогда представишь.

Это «увидишь» Диму насторожило.

И он осторожно поинтересовался:

– А в чем проблема-то?

– У тещи было две дочки. Вот они!

И Гаврилыч ткнул пальцем в двух девочек на фотографии.

– С годами старуха совсем спятила. Одну дочку, которой не повезло, и замуж она не вышла, старуха поедом ела да так и заела. В окно поезда бедняжка выкинулась, да еще когда поезд по мосту шел. А внизу Волга. В общем, тела ее так и не нашли.

– Покончила с собой из-за тирании матери. Ясно. Ну а вторая дочка?

– Второй повезло выйти замуж за Витьку.

– Твоего кореша?

– Не кореша, а так, приятеля. Выпиваем вместе.

Ничего не скажешь, хорошо везенье. Впрочем, если альтернатива – это жизнь с полусумасшедшей старухой, то и муж алкоголик не кажется таким уж противным.

– В общем, живут они оба дома у Витьки. А у него и у самого семья большая. Брат сильно поддает, сестра с мужем тоже выпить не дураки, мать опять же всю жизнь квасит. Витьке

с женой хотелось бы съехать, жить отдельно. Им квартира тещи очень бы пригодилась. А то занимает, понимаешь, одна две комнаты. А Витька с женой в одной-единственной комнатухе до сих пор ютятся. Сестра с мужем в другой. А брат с матерью живет.

– Ну, разменяли бы квартиры. В чем дело?

– Так у Витьки и менять нечего. А у Лизон ее старуха мать не соглашается на размен. Палки в колеса вставляет. Витька с женой пробовали квартиру на продажу выставить, так старуха всех клиентов прочь гонит, квартиру осмотреть не позволяет, орет, скандалит, что не уедет из своих метров, на клиентов вещи роняет. Вроде бы случайно, но те больше не приходят.

– Цену пусть снизят, придут такие, которых старухой не проймешь.

– Но если продавать только одну комнату, много не получишь. Выгодно, если всю квартиру целиком продать. Там общей площади почти девяносто метров.

– Сколько? – не поверил своим ушам Дима.

– Девяносто. Кухня небольшая, зато ванная комната просто огромная. Бассейн, а не ванная. Потом коридоры, холлы, чуланы, кладовки, комната для прислуги, раньше и такие в барских домах имелись. И все это богатство останется в квартире. А сама комнатка для продажи всего шестнадцать метров. Тут не разживешься.

Такую квартиру нужно продавать целиком. Тогда можно было спокойно разъехаться на две отдельные квартиры. И очень неплохие, надо сказать.

Но старуха уперлась. Желает закончить свои дни там, где увидела впервые свет. На Петроградской стороне нашего города. И ни с места. Помру, говорит, тогда и делайте, что хотите. Но врачи говорят, что, невзирая на нелады у нее с головой, со всем прочим у нее полный порядок. Лет двадцать она проживет. А Витьке с женой столько ждать невозможно. Они сейчас жить хотят, пока молодые, а не потом, когда уже состарятся.

Дима кинул взгляд на фотографию. Девочкам-близняшкам на ней лет десять. Фотография сделана тридцать лет назад. Значит, сейчас жене Витьки уже под сорок. Возраст критический. И детей хочется. И свое гнездышко свить тоже хочется. А тут мать сидит на Клондайке из квадратных метров, но пользоваться месторождением никому из близких не позволяет.

– Витька уже до ручки дошел, – продолжал рассказывать Гаврилыч. – Думает, как бы ему старуху грохнуть. Того и гляди, доведет еще и этих до греха. Помоги хорошим людям. Сделай такую милость.

Дима даже оторопел.

– А что я могу?

– Ты ведь у нас ловкий парень. И мастак на всякие такие штуки с переодеваниями. Заставь старуху с ее квадратных метров съехать. А то Витька того и гляди ее и впрямь порешит. Он ведь такой, если ему чего в башку втемяшилось, фиг оттуда извлечешь. Он уже не первый раз заговаривает о том, как бы ему от тещи избавиться. А так ты и старухе жизнь сохранишь, и душу христианскую от смертного греха спасешь.

У Димы немного отлегло. Сначала-то он подумал, что ему предлагают устранить бабку самолично. Но нет, похоже, Гаврилыч, напротив, печется о том, чтобы жизнь старухе сохранить. Доброе дело хорошее, но как к нему подступиться?

– Гаврилыч, но я даже не представляю, что тут можно сделать.

– Это я тебе скажу! – обрадовался Гаврилыч. – Это я уже все обмозговал. Мы пока с Витькой сидели, он со мной своими планами по устранению старухи делился. И скажу я тебе, все-ррез мужик решил. Так что тут мешкать ни одного дня нельзя. Если ты не поможешь, он ее убьет, это я тебе точно говорю. Витька мужик серьезный. Он, если чего сказал, так и сделает.

– В таком случае Витьке твоему неосмотрительно делиться своими планами с посторонними.

– Так он меня в помощь зовет.

Ах, вот оно что! Гаврилычу не по вкусу затея приятеля, и он просит у Димы решить проблему.

– Отказать Витьке в помощи, коли он мне уже открылся, я не могу. Это заставит Витьку подозревать, что я могу его сдать. А он такие проблемы решает просто.

Так Гаврилыч еще и боится своего приятеля. История нравилась Диме все меньше и меньше. Но, с другой стороны, отказать Гаврилычу в помощи он не мог. Сосед как-никак. Да еще и знает его, Диму, всю свою жизнь. Как тут откажешь? Не говоря уж о том, что теперь Дима тоже своего рода свидетель, знает о готовящемся убийстве.

– Ладно, рассказывай, где бабка живет. Навещу ее.

– Значит, берешься?

Но Дима не торопился раздавать обещания:

– Посмотрю пока, чем она дышит, – уклончиво ответил он.

Но Гаврилыч все равно страшно обрадовался. Принялся горячо благодарить Диму. Тот уже прикидывал, как бы ему поскорее улизнуть, но Гаврилыч все не отпускал. Внезапно одеяло на его кровати зашевелилось, а потом из-под него выглянула заспанная растрепанная физиономия. Круглые щеки, короткая жирная шея, на шее цепочка с подвеской в виде сердечка. Значит, женщина. Дама оказалась не первой молодости, не первой свежести, а про красоту уж и говорить было нечего.

– Лапсик, – хриплым голосом произнесла тетка, – который сейчас час?

Лапсик – Гаврилыч ответил, и тетка охнула:

– Мама дорогая, я же на работу опаздываю! Скотина, ты почему меня не разбудил!

Выскочила в одном белье, которое тоже свежестью не отличалось, и заметалась по комнате в поисках предметов своего туалета. Они почему-то все находились в разных частях комнаты. Колготки нашлись под столом, на них уютно устроился соседский рыжий кот, забравшийся к Гаврилычу в поисках объедков. Кота звали Васька, и он очень обиделся, когда его согнали с нагретого местечка. Зашипел, вцепился когтями в колготки, и в таком виде владельца извлекла спутанный клубок наружу.

– Тьфу! Все в зацепках! Лапсик, ты мне должен новые колготки.

Но занятый осмотром бутылок, который его совсем не радовал, Гаврилыч ответил грубовато:

– Пошла ты...

Дама ответила ему в том же духе. Но долго ссориться они не могли, каждый был занят своим делом. Гаврилыч искал, чего бы еще выпить. Женщина искала свою одежду. Юбка висела на кактусе, который со своей добычей расставаться тоже не желал. И Гаврилычу было объявлено, что юбка тоже с него. Хуже всего дело обстояло с блузкой, она упорно не находилась.

– Помогайте! – вопила толстуха. – Опаздываю! Уволят! Лапсик, потеряю работу, сяду тебе на шею!

Эта угроза заставила Гаврилыча действовать. Втроем они облазали всю комнату, но блузку так и не нашли.

– Кто-то ее спер! Витька этот твой и притырил! Для своей кикиморы уволок!

Но Гаврилыч ударил себя в грудь кулаком и заявил, что не позволит оскорблять своего друга. Они еще немного поругались, а потом тетка отправила Диму признаться у кого-нибудь из соседок блузку до вечера. Подходящая одежка нашлась у доброй тети Гали, которая каждый месяц прибавляла по килограммчику к своим двумстам уже имеющимся. У нее в запасе было полно одежды, из которой она выросла, но которую не выкидывала, надеясь со временем вернуться к прежним своим излюбленным ста двадцати килограммам. Блузка была подруге Гаврилыча немного свободна, но это было даже хорошо. И Гаврилычу милостиво позволили блузку не приобретать.

– Но новая юбка и колготки с тебя!

Тетка убежала. А за ней следом удалился и Дима. Но если он думал, что уж теперь-то попадет к себе в комнату, не тут-то было. Едва он достиг дверей кухни, как оттуда выглянули соседки и привлекли Диму для дегустации супа-харчо.

– Садись, Димочка. Будешь пробу снимать.

Думая, что дело ограничится одним половничком, Дима не стал спорить. Но перед ним поставили большую пиалу, в которой плавал солидных размеров кусок баранины. Мясо было жирным. Суп густым. Запах от него шел потрясающий. Сами соседки были молодыми и привлекательными. Так что Дима с удовольствием взялся снять пробу с их стряпни.

Пока ел, соседки засыпали его новостями о своей личной жизни. Они единственные были в квартире новенькими, снимали комнату у тети Галя. Но так как сама тетя Галя тоже жила в комнате напротив, то она взяла над жилищками шефство и стала им то ли матушкой, то ли тетушкой, то ли кем-то средним. Обе девчонки были славные, чистоплотные и воспитанные. Женихов водили к себе исключительно порядочных, на ночь не оставляли, может быть, потому, что этому решительно противилась все та же тетя Галя.

– Девки, запомните, всем мужикам от вас только одно и надо. Получат свое, и поминай, как звали. Поэтому постель только после свадьбы. Сами не можете им это сказать, я скажу. У меня не заржавеет!

И судя по всему, и впрямь не ржавело, потому что женихи у девчонок надолго не задерживались. Отправлялись к более доступным девицам. Но тетя Галя не отчаивалась и ободряла приунывших девушек:

– Путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Покормим повкуснее да посытнее, ему спать захочется, завалится в постель, храпака задаст, про секс он уже и не вспомнит. Так что старайтесь.

И девицы старались. Но так как готовили они по неопытности страшную гадость, женихи по-прежнему от них бегали. Но в последние месяцы Дима стал замечать, что все чаще и чаще видит у них все одних и тех же кавалеров. Похоже, девчонки путем проб и ошибок все-таки научились готовить что-то приличное.

– А по какому случаю такое угощение?

– Ларка вечером нового кавалера в гости ждет. Он откуда-то из Средней Азии, вот мы и решили порадовать его национальным блюдом.

– Тогда вы бы уж плов готовили.

– Плов – это сложно. Там хитростей много. Харчо попроще будет.

Саша суп распробовал. Суп ему нравился. Он был наваристым и душистым.

– Вот только харчо – это блюдо кавказской кухни, – сказал он. – В Средней Азии чаще варят лагман.

Девушки расстроились. Готовить новое блюдо у них уже не было ни сил, ни времени.

– Ну и ладно, – сказала Лара, – если ему не понравится, не больно-то и хотелось. Он мне даже не очень-то сам нравится.

– Кто? Суп?

– Кавалер.

Дима не стал спорить. Плотно наевшись густого и сытного супа, он мечтал только о том, чтобы добраться до своей комнаты и немножко полежать там в тишине. Обдумать все услышанное и прийти в себя. Но его мечте не суждено было исполниться так скоро. Стоило ему покинуть кухню, как он немедленно попал в цепкие ручки Алефтины. И это было хуже всего, потому что Алефтина давно и прочно облюбовала себе Диму и, несмотря на его стойкость, не теряла надежды завлечь его в свои объятия.

Для этого она использовала каждую возможность. Кокетничала с ним напропалую, стремясь всячески дать понять, что ее чувства к нему не остывают. Длилось это уже много лет, особенно их обоих не напрягало, но все-таки заставляло Диму быть постоянно в тонусе. Что

касается Алефтины, то она и так всегда была в тонусе. Дважды разведенная, трижды вдовевшая и невесть сколько раз брошенная, она все равно не теряла надежды обрести личное счастье. И ей казалось, что Дима для этого самый подходящий вариант. Диме, напротив, так не казалось. Но Алефтина воспринимала его отказы как флирт, как игру. Принимать от своего молодого соседа отказ она решительно не собиралась.

– Ой, Димуля! – прелестно закатила она свои обильно накрашенные глазки. – Ты-то мне и нужен!

И ее наклеенные пушистые и дивно загнутые вверх реснички сделали свое неизменное хлоп-хлоп. Алефтина со всеми мужчинами вела себя одинаково. Флиртовала со всеми существами мужского, а зачастую и женского пола, невзирая на возраст и социальный статус. Можно сказать, что она была всеядна. Ей было все равно кого очаровывать. Кто попадался на пути, того и пыталась обаять. Иногда получалось, чаще нет. Диме она не нравилась. Будь он ее мужем, тоже бы сбежал. Хоть на тот свет, но сбежал бы.

Хотя в защиту Алефтины надо было сказать, что к своим тридцати семи годам женщина сохранилась очень хорошо, не потеряв известной привлекательности. Волосы у нее были от природы густые, она красила их в иссиня-черный цвет и носила, разделив на прямой пробор, отчего еще больше становилась похожей на вампиршу, звезду популярного комедийного сериала про семью вампиров.

Фигура у нее была стройной и подтянутой. Носик маленьким и аккуратным. Зубы белыми, спасибо регулярным визитам к обаянному доктору стоматологу. И губы благодаря вколотому в них гелю тоже оставались у Алефтины призывно пухлыми, как в ранней юности. В общем-то Алефтина была дамочкой еще очень даже ничего, и у Димы даже иногда загорались глаза при виде нее. Но он понимал: стоит ему дать Алефтине хотя бы крохотную зацепку, не миновать ему быть прикованным к ней цепями Гименея. А Дима ценил свою свободу. Если уж и расставаться с ней, то ясно, что не из-за Алефтины.

Но обижать соседку грубым отказом тоже было нельзя. Злопамятная Алефтина могла начать строить козни, плести интриги и всячески отравлять своими происками жизнь Диме. Водилась за ней такая неприятная особенность.

Поэтому Дима изобразил на лице приветливость и участие и таким же игривым тоном поинтересовался:

– И что же от меня хочет столь прекрасная дама?

Алефтина немедленно надулась.

– Дама! – фыркнула она, потом засмеялась. – Какая же я дама! Девушка!

– Ах, простите, – галантно раскланялся перед ней Дима. – Так и чего же хочет прекрасная девушка?

– Дима, ты такой сильный. Каждый раз тебя вижу, восхищаюсь твоими мускулами.

– Что есть, то есть.

– Помоги мне передвинуть одну вещь. Для тебя это будет пара пустяков. А я своими лапками толкаю, толкаю, а он ни с места.

– Он?

– Шкафчик.

– Маленький шкафчик для юной прелестницы.

Вообще-то идти в логово к Алефтине совсем не хотелось. Может, это ловушка? С Алефтины станется. Заманит, дверь запрет, выбирайся потом, как знаешь. Или спрячет ключ куда-нибудь к себе в область декольте, тоже щекотливая ситуация получится. Поэтому сначала Дима далеко от порога не удалялся. И дверь придерживал спиной. Но потом понял, что Алефтина и впрямь позвала его двигать шкаф и не для чего больше.

– Вот этот шкафчик нужно передвинуть отсюда в тот угол.

Дима уважительно разглядывал «шкафчик». Был он под два с половиной метра, столько же в ширину, а его дверцы и стенки были сработаны еще и из цельного массива. Шкафу было под сотню лет, а в те годы ни про какое ДСП и слыхом ни слыхивали. Скажи тогдашним столерам, что мебель станут делать из опилок и клея, они бы животы себе надорвали от смеха, а потом накостыляли бы шутнику по шее, чтобы даже думать не смел о таких дурацких и противоестественных штуках.

Но все-таки в опилках есть и свои плюсы, и первый из них – легкость. Диме доводилось передвигать немало современной мебели, и он мог поручиться, что вся она не шла ни в какое сравнение с этим шкафом. И это еще Алефтина разобрала шкаф, выгрузила из него книги, посуду и белье. А если бы шкаф остался наполненным? К счастью, Алефтина оказалась опытным в таких делах человеком. Умело раздавала команды, Диме оставалось их лишь выполнять.

– Подложим под ножки ветошь, так шкаф легче пойдет. Его нужно будет только подтолкнуть, а дальше он сам скользить станет.

Попытавшись приподнять одну половинку шкафа, Дима чуть не надорвался.

– Сколько же в нем весу?

– Не знаю. Ты поднимаешь или как?

Алефтина стояла на четвереньках, пытаясь подсунуть войлочную подстилку под ножки шкафа. Пеньюарчик на ней задрался, грудь оголилась. Зрелище открывалось весьма аппетитное, но Диме было не до того. Алефтине тоже. Разобравшись с одной половиной, пошли к другой. Потом толкали вдвоем. Потом отдыхали. Потом пили воду и снова толкали. С Димы сошло пять потов прежде, чем шкаф встал на нужное Алефтине место.

– Порядочек.

Алефтина была довольна.

А вот Дима оглядел открывшуюся стену и удивился:

– Откуда тут дверь?

– Это не дверь. Когда-то комнаты были смежными, потом проход заделали. Только и всего.

– С той стороны комната Гаврилыча. Но там на этом месте ничего нет.

– Значит, там дверной проем замуровали, зашили фанерой или заложили гипроком. А мои родители поступили проще. Поставили этот шкаф, он и служил все эти годы загородкой.

Квадрат краски там, где стоял шкаф, заметно отличался от остальной поверхности стен.

– Это пустяки. У меня осталось немного краски после ремонта.

И Алефтина, трогательно хлопая ресницами, всучила Диме уже смоченный краской валик.

– Ну, давай же! Чего ты ждешь?

– Вообще-то мы договаривались, что я только передвину тебе шкаф.

– Да, но ты же видишь, какой фронт работ тут образовался. Крась, не трать время на разговоры.

И Дима стал красить. В конце концов, почему бы и не помочь девушке? Тем более что сам он со своим высоким ростом и длинными руками запросто справится с такой работой. Даже стремянка не понадобится. А Алефтине пришлось бы тут попрыгать и попрыгать.

Закончив красить, Дима заметил:

– Но теперь тебе придется что-то решать с этой дверью.

– Повешу панно. Вон оно стоит, кстати говоря.

Излишне говорить, что и панно пришлось вешать тоже Диме. Он пытался отговориться тем, что у него нет необходимого инструмента, дрели, сверла, саморезов. Но оказалось, что все это имеется у запасливой Алефтины прямо-таки в избытке. Дрелей, и тех было целых две штуки. Остались от двух мужей, по очереди покинувших Алефтину, но не сумевших забрать также и свое добро.

– Я уже все приготовила!

И снова своими ресничками хлоп-хлоп! В глазах ее читалось одно-единственное: «Ты даже не сомневайся, ты самый, самый лучший на свете! Я в тебя верю!»

Собственно, отступить Диме было некуда. Алефтина как-то очень ловко перекрыла своим телом все пути к отступлению. Зажала его в угол, как он и опасался вначале. Вот только нужно ей от Димы было совсем не то, на что он рассчитывал. Дима пытался увильнуть, пытался что-то говорить насчет того, что он не умеет, давно забыл, как это делается. Но Алефтина лишь смотрела на него, улыбалась и твердила, что если он не справится, то никому другому это точно не под силу.

Пришлось оправдывать необычайно высокое о себе мнение соседки. Дырки ей Дима просверлил, дюбеля в них вставил, саморезы вкрутил, пришло время вешать декоративное панно. Оно представляло из себя что-то сложенное из бамбука, с укрепленными на нем китайскими символами.

– Что это значит, ты знаешь? Что за надпись?

– Понятия не имею. Это подарок. И мне показалось, что оно будет неплохо смотреться на стене.

– Может, сперва прочитаем, что написано?

– А ты знаешь китайский?

Теперь ресницы Алефтины и вовсе перешли в режим нон-стоп. Хлопали без передышки и так часто, словно крылышки у колибри или дворники во время сильного ливня. Китайского Дима не знал, но зачем в наш век продвинутого Интернета забивать себе голову подобными вещами? Все сделает за нас виртуальный помощник. Стоило сделать фотку и загрузить изображение, перевод был дан буквально через считанные секунды.

– Пожелание дому многочисленных х... и п... Наверное, это вроде пожелания любовных успехов. Но звучит как-то не того. Знаешь, мне кажется, это не совсем то, что тебе стоит вешать у себя дома. Конечно, нашим людям плевать, но вдруг к тебе нагрянут в гости китайцы?

Алефтина тоже была смущена.

– Дима, ты меня так выручил. Я такая дура! Это надо же, купить такую дрянь. А ведь продавец уверял меня, что эти иероглифы переводятся всего лишь как нейтральное пожелание личного счастья. Безобразие! Завтра же верну им товар.

Пока Алефтина возмущалась, Дима незаметно прокрался мимо хозяйки комнаты к двери. Раз! И он уже на свободе! Больше он в комнату Алефтины и ногой не ступит! Как чувствовал, что ничем хорошим это для него не закончится. Пусть Алефтина и не сумела затащить его в свою постель, но она использовала Диму по-иному. И, честно говоря, Дима уже сомневался, какой из способов использования ему нравится больше.

Теперь он почти бежал по коридору, чтобы избежать случайной встречи еще с кем-нибудь из своих соседей. Лимит добрых дел на сегодняшний день Дима считал перевыполненным. Вот и двери его родной комнатки. Теперь он отдохнет. А после общения с Алефтиной отдых ему был просто необходим. Какое счастье, он дома! Дима отпер замок, толкнул дверь, да так и замер на пороге.

Напрасно он рассчитывал на спокойный отдых. До отдыха было еще очень далеко. Потому что первое, что бросилось Диме в глаза, когда он вошел в свою комнату, был натюр-морт на маленьком сервировочном столике. Там стояла бутылка водки с двумя наполненными рюмками и лежала порезанная тончайшими колечками колбаса. Водка была самой дорогой из тех, что продавались в магазине Натусика. А колбаса была сырокопченой. Ни того, ни другого Дима к себе в комнату не приносил, не разливал и не резал. Все это появилось в комнате в его отсутствие. И этим своим появлением Диму необычайно сильно взволновало.

Глава 3

Первое, что предпринял Дима – выскочил в коридор и заметался по квартире в поисках свидетелей того, кто мог проникнуть в его комнату, пока его не было. Увы, никто из соседей ничего подозрительного не видел. Никто не видел деда с внешностью гнома. На всякий случай Дима сбегал в магазин к Натусику, и она подтвердила, что водка та самая, из их магазина, и колбаса тоже.

– А как там твой дедушка? Надолго он приехал?

Но Дима лишь головой помотал, ему было не до светской болтовни с бывшей любовницей. Тот факт, что в его отсутствие кто-то проник в его комнату, категорически не понравился Диме. Мой дом – моя крепость, такого девиза он придерживался в своей беспокойной жизни. А тут такой облом. Кто-то явился, оставил свою визитную карточку в виде бутылки с водкой и колбасы, а потом исчез. И самое главное, Дима не понимал, как это случилось. Дверь не была взломана. Замок на ней был целехонек. А ведь Дима помнил, что, уходя, запирает его. Так как же получилось, что за запертой дверью в пустой комнате внезапно появилось угощение? Выпивка и закуска?

В потусторонние силы Дима не верил. Было какое-то вполне земное объяснение этому явлению. И Дима догадывался какое. Кто-то из его любимых соседей вступил в сговор с внешним врагом. Позаимствовал у Димы ключ от его комнаты, потихоньку сделал с него дубликат, а затем ключ вернул на место. Сделать это было проще простого. Дима привык думать, что окружен исключительно друзьями. И, находясь дома, Дима частенько оставлял ключ торчать в замочной скважине снаружи. Он бы и вовсе не запирает дверь, потому что доверял своим соседям. Просто иногда к ним приходили гости...

– Минуточку! Почему же я сразу-то не подумал на них, на этих гостей?

И действительно, каждый день к Гаврилычу приходили его многочисленные друзья – пропойцы. К Ларисе с Гелей приходили их кавалеры тоже, надо сказать, не менее многочисленные. К Ларионовым то и дело прикатывали их родственники из самых удаленных уголков России. Так почему бы таинственному деду с внешностью гнома было и не войти в соприкосновение именно с этими людьми? Дима от такой мысли даже приободрился. Думать, что ключ от его комнаты украл кто-то посторонний, было легче, чем сознавать, что в деле замешан кто-то свой, сугубо близкий и родной.

Но все же Дима предпочел бы знать точно, кто стащил его ключ и сделал с него дубликат. Для этого он обежал все мастерские, предоставляющие услуги по изготовлению ключей, какие знал в окрестностях своего дома. Результат проверки был заранее предсказуем.

Уже в третьей мастерской Диме сказали:

– Узнаю свою работу. Ключ делали у нас.

– А кто? Кто его к вам приносил?

– Дайте-ка подумать... Ага! Уж не тот ли это был дедушка с большой бородой...

У Димы внутри все так и похолодело.

– И с розовой лысиной? – упавшим голосом спросил он.

– Ну да, точно он и был. Сказал, что приехал к внуку погостить, нужен дубликат ключика. Я еще потому его запомнил, что заплатил он мне за работу тройную цену, хотя я его об этом совсем не просил.

Недолгий опрос мастера дал Диме подробный портрет этого мифического «дедушки». Он полностью совпадал с описанием, данным ему Натуськой. Получалось, что некий богатенький и бородатенький старикан бродит в окрестностях квартиры Димы, представляется всем его дедушкой и имеет уже свободный доступ в комнату Димы, но при этом сам Дима даже понятия не имеет, кто этот «дедушка» такой.

Вернувшись назад, Дима первым делом поменял сердечник своего замка, который приобрел, по дороге забежав в хозяйственный. Внутренне он злорадствовал. Вот и пусть теперь «дедушка» попробует снова к нему заявиться. Дверное полотно стоит тут еще с прежних времен, оно прочное и крепкое, сделано то ли из дуба, то ли из ореха. Ветшать пока что и не думает. Так что вломиться в его комнату будет не так-то просто. Водку и закуску Дима выкинул, чтобы не думать. И сочтя, что сделал все для своего спокойствия, улегся отдыхать.

Но долго поваляться ему не позволили. Не такой это был день. Вновь раздался звонок, на сей раз звонили по скайпу. И Дима увидел, что это звонит его клиент. Привычно пахло холодком, заледенели руки и ноги, подкатила к горлу тошнота. Все эти признаки Дима считал весьма неблагоприятными, своим чувствам он привык доверять, и сейчас они ему подсказывали, что от этого звонка добра ждать не приходится. Но ответить было надо. И Дима ответил.

– У меня есть для вас новое задание.

Заказчик всегда так начинал их разговор. Всегда на «вы» и всегда новое задание. Лица своего собеседника Дима не видел еще ни разу. Голос тоже был каким-то странно скрежещущим, словно бы собеседник нарочно зашифровался от своего клиента.

– Сегодня вы должны будете встретиться во внерабочей обстановке с одним из знакомых вам сотрудников салона связи, которого я вам укажу.

– Я готов.

– Рабочий день в салоне, где вы столько времени и так успешно разыгрывали роль старого болвана, заканчивается в девять. Но нужный сотрудник уйдет в восемь. Ваша задача дожидаться его и вручить ему вещь, которую вам принесут в течение ближайших минут.

– Что я должен делать потом?

– Ничего. Возвращайтесь домой и ждите моего следующего звонка.

Не успел погаснуть экран ноутбука, как в дверь квартиры раздалось четыре звонка. Четыре звонка – это было к Диме. Он вышел и совсем не удивился, обнаружив на пороге курьера экспресс-доставки. Тот держал в руках небольшой сверток, упакованный в бумагу. Заполняя бумаги, Дима обратил внимание, что в графе отправитель стоит прочерк.

– Разве так можно?

– Наверное, можно, – пожал плечами курьер – молодой мальчишка, которому было решительно все равно, кому и что доставлять, лишь бы денежки за это капали.

Если вдуматься, то сам Дима недалеко ушел от этого парнишки. Он тоже не очень-то задумывался о том, для кого и какие поручения выполняет. И вот теперь допрыгался, от всякого звонка трясется. В который раз мелькнула мысль, что нужно завязывать со своей актерской деятельностью. Или хотя бы ее как-то упорядочить. Паспортные данные клиентов выяснять, что ли? Хотя кто из его клиентов захочет светиться? Наоборот, все они всячески прячутся, кто-то в большей степени, кто-то в меньшей.

Последний вот вообще полную таинственность вокруг своей персоны развел. Ни разу не встретился с Димой лично, лишь звонил со своими заданиями по скайпу. А какие были задания? Крутиться в салоне связи, всячески изображая доверчивого богатенького старичка, у которого денег навалом, а вот мозгов осталось кот наплакал. Демонстрировать это требовалось перед всеми, но особенно наглядно требовалось разыгрывать дурака перед Люсенькой.

Дима принес сверток в комнату и внимательно его оглядел. Что же там внутри? Диму так и подмывало вскрыть сверток. Но тут вновь в дверь раздалось четыре коротких звонка. Кто там еще? К удивлению Димы, на пороге стоял еще один курьер. На сей раз по-русски он говорил совсем плохо, бумаг при себе совсем никаких не имел, а такую спецовку можно было легко купить в любом магазине спецодежды.

– Дима? – спросил он и, не дожидаясь ответа, сунул в руки еще один сверток. – Тебе!

– От кого?

– От дедушки.

Дима вцепился в курьера мертвой хваткой и не отпустил, пока не вытряс приметы дедушки. Он был готов к тому, чтобы услышать про длинную бороду и блестящую лысину. Но услышал другое:

– Высокий. Молодой. Сильный. Здоровый.

Кажется, этим курьер исчерпал все свои знания прилагательных в русском языке, потому что умолк.

– А лысый и с бородой был?

– Нет. Не было.

Итак, в деле появлялся еще кто-то. Возможно, личный водитель дедушки? Натусенька ведь говорила, что дедуля передвигается на автомобиле с шофером. Но хрен редьки не слаще. Дима вернулся к себе в комнату и бросил второй сверток рядом с первым. Сам он присел рядом на стул. Долго смотрел на два почти одинаковых свертка, потом протянул руку и быстро сорвал упаковочную бумагу с посылки от «дедушки». Внутри лежал фитнес-браслет. Последняя модель. «Дедушка» продолжал баловать Диму гостинцами.

Отложив браслет в сторону, Дима схватил второй сверток и сорвал упаковку и с него тоже. Такого уговора у них с клиентом не было, но Диме стала надоедать эта таинственность. Обычно его клиенты конкретно обозначали проблему, которую нужно было решить. А тут Диму использовали втемную, что доставляло ему известный дискомфорт.

– Ну и плевать, – пробормотал он. – Я имею право знать, что понесу сегодня. А вдруг там наркотики? Или взрывчатка? Или что-нибудь запрещенное?

Но внутри оказался всего лишь веер. Дима даже оторопел, когда его увидел. Долго разглядывал, не решаясь прикоснуться руками. Очень изящная и по виду старинная вещица в коробочке из полированного красного дерева. Сглотнув, Дима все же поднес веер ближе к глазам. Ручка веера была украшена перламутром, а сам экран изображал галантную сцену между кавалером и его барышней. Облака у них над головами были заменены тончайшим кружевом. И все вместе это выглядело очень впечатляюще.

– Хм, занятная вещица. И недешевая к тому же, я думаю.

На ручке веера были какие-то буквы, скорее всего, наименование мастерской, производившей эту дамскую безделицу на свет. Дима влез в Интернет и быстро выяснил, что фирма-производитель таких вееров была зарегистрирована в начале девятнадцатого века в Париже. И сохранившиеся к нашему времени изделия стоят от нескольких до десятков тысяч долларов в зависимости от тиража, какими были выпущены.

Дима еще раз оглядел веер и подумал, что для старинного он очень уж хорошо сохранился. И дерево было без трещинок, и лак блестел, словно вчера его положили. И краски на экране были яркими, ни чуточки не выцветшими, разве что в местах сгибов они стерлись, но это выглядело так, словно их там нарочно пошкрябали мелкой наждачкой или чем-то вроде того. И, самое главное, нитки на кружевах были прочными, без потертостей. Наверное, веер прошел отличную реставрацию, поэтому и выглядит так, словно его недавно сделали, а потом чуть-чуть специально состарили. Но старинный или недавно изготовленный, этот веер был для Димы полнейшей загадкой.

– Кому же я должен буду подарить этот веер?

Веер был женским атрибутом. Но какая дама в наш век кондиционируемых помещений пользуется веером? Мода на веера ушла в прошлое вместе со свечным освещением, быстро делающим душливой атмосферу на любом, даже самом пышном и великосветском балу. Тогда веер был необходимой принадлежностью дамы. А сейчас? Удел этих вещей пылиться в чьей-нибудь коллекции или быть выставленными в витринах музеев.

– Подождем, увидим.

Дима даже не стал особенно стараться с повторной упаковкой веера. Завернул, заклеил разорванную бумагу и решил, что сойдет. Фитнес-браслет – подарок «дедушки» – решил пере-

дарить кому-нибудь. Вышел в коридор, наткнулся на пацана, который сегодня пугал его медведем, и протянул браслет ему.

– Это чего? Мне?

Дима кивнул и вновь скрылся в своей комнате, уже не слушая восторженных воплей мальчишки, которому так подфартило. Кажется, большой город оправдывал все их самые смелые мечты. Затем Дима вернулся к себе и занялся приготовлениями к очередному заданию. Он был намерен выполнить просьбу Гаврилыча, не откладывая дела в долгий ящик. А то время, когда теща Витька должна была отправиться с обходом своих владений, приближалось. К нему надо было хорошенько подготовиться.

– До восьми вечера еще уйма времени. Успею.

Присев у зеркала, Дима сперва вперил задумчивый взгляд в изображение тещи, которое передал ему Гаврилыч. И снова на глаза попался этот маленький китайчонок. Кем он приходился девочкам-близняшкам, одна из которых нынче является женой Витька? Надо не забыть, спросить у нее, кто все эти персонажи на фотографии. Но это все потом, сейчас Диме предстоял первый контакт непосредственно с самим объектом. И Дима решил, что должен соответствовать антуражу, который его будет окружать.

– Помойки так помойки, – пробормотал он. – Мусорки так мусорки.

Дима дико взлохматил волосы на макушке, прищурил один глаз, заклеил кожу прозрачным скотчем, физиономию сразу перекосило и от былой миловидности не осталось и следа.

– Отлично, отлично.

Но этого было мало. Дима нарисовал себе морщины, подумал и пририсовал там же возле глаза шрам, чтобы было похоже, что это из-за шрама глаз у него не до конца открывается. Немножко черного грима, и лицо украсилось неповторимыми разводами грязи. Теперь из зеркала на Диму смотрел побитый жизнью дядька, которому было не привыкать ночевать под открытым небом.

Пора было приступить к самому переодеванию. На этот случай у Димы имелся свитер с вытянутыми рукавами и спущенными петлями, грязные мешковатые джинсы и такие же грязные ботинки. Образ довершили несколько капель дешевой сивухи, которую Дима держал рядом с французским парфюмом. Для него все было едино, что духи, что сивуха. Все это были лишь штрихи к очередному сценическому образу.

– Ну, сгодится. Ах да! Руки-то привести в порядок чуть не забыл!

Для этого Дима старательно поскреб немного ваксы, чтобы под ногтями образовалась траурная кайма. Перед этим он не забыл поскрести брусок мыла: ваксу потом нужно будет как-то из-под ногтей вымывать, а без мыла это было бы делом непростым. И чувствуя, что он полностью готов, Дима закинул за плечи тощий рюкзачок и отправился на дело.

В коридоре он столкнулся с Алефтиной, которая его в образе не узнала, презрительно сморщила нос и что-то пробормотала про Гаврилыча, который совсем опустился, тащит в дом совсем уж конченных алкашей. Дима мысленно поздравил себя с удачным гримом – если Алефтина с ее по-женски острым взглядом его не признала, то другие и подавно не узнают. Теперь дело за малым: найти тещу Витька и свести с ней знакомство.

Даму звали Софией. И характер у нее был трудный. Но Дима полагал, что личный контакт – это самое важное в его деле. Можно сколько угодно слушать про человека и его подноготную, но пока ты сам лично с ним не встретишься нос к носу, что это за тип, ты до конца так и не поймешь.

К счастью, теща Витька отличалась редкой пунктуальностью. На промысел выходила всегда в одно и то же время. И в два часа пополудни Дима увидел нечто, выходящее из нужного ему подъезда. Это существо было женского пола, о чем свидетельствовала круглая фетровая шляпка с вуалью, которая красовалась на голове у дамы. Шляпка была примотана к голове мужским шарфом, поверх которого красовался большой бант, наподобие тех, которые раньше

завязывали любящие мамы своим дочкам в школы. Капроновый, твердый, когда-то он был белым, сейчас цвет его трудно было определить.

Несмотря на летнюю жару, на теще было надето сразу три пальто. Верхнее было с меховым воротником. Что насчет других, Дима сказать не брался. Возможно, на старухе было надето еще большее количество пальто, но три штуки Дима сумел насчитать точно. Все эти одежды придавали женщине объемистость, а ее походке неуклюжесть.

А вот обувь на ногах была неожиданно элегантной. Высокие ботиночки, застегнутые на многочисленные пуговицы. Дима видел такую обувь где-то в музее, там рядом еще стояла скамеечка, на которой дамы были обречены проводить перед выходом помногу времени, застегивая с помощью специального крючка свою обувь. Потом с появлением застежки-«молнии» эти мучения для представительниц прекрасного пола канули в прошлое, вместе с корсетами на шнуровке и физжамами. Казалось, канули. А вот и нет, кто-то их до сих пор носит.

– Где она такие ботинки только раздобыла?

По рассказу Витька, его теща в прошлом году перенесла операцию по замене сустава и до сих пор ходила с костылем под мышкой. Впрочем, костыль этот служил ей не только опорой, но и оружием. С его помощью суровая дама разгоняла от своих помоек всех прочих искателей хранящихся в их недрах сокровищ. Дима двинулся за старухой. И быстро заметил, что двигалась она неожиданно легко, на костыль опиралась лишь для виду. И у Димы мелькнула мысль, что очень уж ее наряд похож на тот маскарад, который устроил и сам Дима.

– Похоже, теща только притворяется дурканутой. С дураков спрос меньше.

Но пока что Дима решил никаких выводов не делать. Памятуя слова своей бабушки о том, что спешка хороша лишь при ловле блох.

Так они и двигались. Теща шла впереди. Дима позади. Когда теща видела людей, начинала нарочито громко стучать костылем, ругаться, а иногда даже плевалась в сторону прохожих. Когда публики не было, вела себя тихо, а двигалась легко, элегантно помахивая костылем, словно тросточкой. Они обошли уже несколько мусорок, но Дима не спешил вступать в контакт. Его не оставляло неприятное чувство, что теща совсем не та, кем притворяется. Да, выглядела она как законченная городская сумасшедшая, но так ли это было на самом деле?

Ведь все приглашенные Витьком к теще психиатры до сих пор не находили у старухи достаточных симптомов, чтобы признать ее полностью невменяемой. Так что лишить ее дееспособности законным порядком у Витька не получилось, о чем он очень жалел, потому что теперь, по его словам, ему не оставалось ничего другого, кроме как убить старуху.

– Что-то с бабкой не так, но что именно, не могу взять в толк.

И Дима решил, что хватит уже плестись в хвосте у чужой тещи. Нужно идти на прямой контакт. К тому времени бабка как раз подошла к очередным мусорным бакам, и Дима возник рядом с ней.

– Прекрасный день, сударыня, – произнес он со всей отпущенной ему от природы галантностью. – Не желаете ли немного шоколада?

Шоколад был единственной слабостью старухи, и от Витька это не утаилось. Так что Дима припас початую плитку шоколада. Это был хороший шоколад, и старуха его оценила.

– Где взял? – прошамкала она, жадно уминая один кусок за другим.

При этом с углов рта у нее текли коричневые слюни, которые теща и не думала вытирать. На мгновение Диме стало противно, пока он не поймал на себе очень внимательный испытующий взгляд и не понял, что это все еще продолжение того спектакля, который разыгрывала старуха для других.

– Где взял, там нету. Вкусно вам, уважаемая?

– Тебе чего надо?

– Так... Хочу поработать у вас подмастерьем.

Теща перестала жевать и уставилась на Диму в изумлении.

– Чего?

– Скушайте еще конфеток, – предложил Дима, извлекая из кармана помятый кулек. – Осторожнее, они с ликером.

– Спиртное не пью.

– А вы его выплюньте.

– И то верно.

И бабка снова начала жевать. Пока она жевала и плевала, Дима изложил ей суть своей просьбы. От местных маргиналов он знает, что она тут своего рода авторитет. Вот он и просит, чтобы она взяла Диму под свое крыло.

– Сам я лишь недавно перебрался в ваши чудные места. И не хочу, чтобы меня побили. Лучше уж я буду служить вам, а вы прикроете меня от остальных.

Старуха дожевала шоколад, облизала пальцы, рыгнула и с чувством произнесла:

– Пошел на...

Но Дима не отставал. Он сыпал комплиментами. Он обещал быть полезным. Он клялся, что уйдет сразу, если что-то его хозяйке и властительнице покажется в нем неприятным. Но на все это он слышал лишь раз за разом повторяющиеся предложения двигаться по указанному раньше адресу. Под конец старуха так рассвирепела, что кинулась на Диму с костылем наперевес.

– Проваливай! Убью!

– Тетенька, спокойней! Тетенька, угомонитесь!

Так они и бегали вокруг мусорки. Теща то и дело пыталась ударить Диму костылем, словно дубинкой. Швыряла в него мусор, орала пакости, сквернословила. Иногда в голову Димы летел сам костыль. Но Дима лишь поднимал костыль и с извинениями перебрасывал его обратно хозяйке. Наверное, он довел бы своими действиями старуху до сердечного приступа, потому что в трех зимних пальто ей по жаре было так проворно двигаться трудновато, но в итоге старуха все-таки сдалась и притормозила сама.

И тогда Дима решился:

– Тетенька, а я ведь убить вас должен, – признался он ей. – Вы вот конфетки с шоколадом доверчиво слопали, а там должен был быть яд.

Старуха стояла, тяжело дыша. Но больше не ругалась и Диму прочь не гнала.

– И знаете, кто вас мне заказал?

Ответ последовал почти незамедлительно:

– Небось мой зятек?

– Он самый. Ваш зять Виктор, извините, не знаю, как его по батюшке.

– Решился все-таки, подлюка! – произнесла старуха то ли с удовлетворением, то ли с ненавистью, то ли с презрением. – Надо же, а я ведь думала, не хватит у него духу. А что дочь моя? Она тоже в курсе?

Теперь в голосе слышались нотки надежды. И Дима сориентировался верно.

– Нет, – сказал он, – это самодеятельность вашего зятя.

– Не верю я тебе, – подозрительно пробурчала бабка. – Муж и жена – одна сатана. Наверняка, Лизон тоже в курсе. Ну да ладно. Мне ты зачем про их замысел сказал?

– Потому что не хочу вас убивать.

– А чего же ты хочешь? Денег? Так денег у меня нет.

– Я уже сказал, чего я от вас хочу. Возьмите меня к себе на работу подмастерьем.

– Не люблю я наушников.

– А живой быть любите?

Старуха хмыкнула.

– Будто бы от твоих слов что-то изменится. Ты не стодился на роль киллера, Витька другого кого найдет.

– А я рядом буду. В случае чего защищу вас.

Цепкий взгляд исследовал лицо Димы. Задержался на его шраме.

– Парень ты бедовый, я вижу. Может, и будет из тебя толк. Только чего от меня в ответ хочешь?

– Научите всему, что сами знаете. Места хлебные покажете. Точки, куда товар сбываете. Контакты старьевщиков да антикваров.

– Жить тебе есть где?

– Где голову преклонить, найду. А если к себе пустите ночевать, тоже не откажусь.

– Еще чего! – фыркнула старуха. – Даже и не мечтай. Чтобы ты меня ночью ножичком и почикал?

– Хотел бы, давно бы уже почикал. А так я вам всю правду о замыслах против вас рассказал, потому что хочу служить вам.

– Ты что, дурак?

– Не без этого, – согласился с ней Дима. – Так и вы у нас тоже вроде как дама с приветом?

И старуха неожиданно ухмыльнулась ему в ответ. Взаимопонимание между ними двумя было установлено. Дима давно уже понял, что лебезить и подлизываться к старухе нечего. С ней нужно держаться в меру нагло и в меру развязно, тогда все будет в порядке.

Дима в этот день провел со старухой больше трех часов. Неплохо с ней сдружился, но пора было приниматься за следующую работу. Дима проводил старуху до ее квартиры и потребовал, чтобы она никого к себе не пускала и ни под каким видом у себя никого не принимала до завтрашнего дня, когда он придет и снова сможет ее охранять. На том и расстались. Теща отправилась обдумывать план мести зятю, а Дима поспешил к себе домой, чтобы из бывшего уголовника вновь перевоплотиться в законопослушного и в высшей степени рассеянного Юрия Степановича.

Глава 4

Ровно в восемь часов Дима в образе старого чудака стоял перед салоном сотовой связи и ждал, кто же появится на его ступенях. Судя по тому, что вещицу ему предлагалось дарить женскую, это должна была быть женщина. Но девушек в салоне было всего три. И в том числе милейшая голубоглазая девочка Люсенька, при виде которой сердце Димы всякий раз сжималось от какой-то непонятной щемящей жалости. Такая эта Люсенька была вся нежная, такая трепетная, что оставалось лишь удивляться, как она, такая робкая и хрупкая, выжила в этом мире. Впрочем, видимо, была в Люсеньке какая-то скрытая пружина, которая не позволяла ей сломаться раньше времени.

Но кроме Люсеньки в салоне было еще две девушки. Может быть, они станут обладательницами старинного веера? Но нет, чутье подсказывало Диме, что веер предназначенся для Люси.

Восемь уже пробило, и вот дверь салона отворилась. Но вместо женского силуэта на пороге нарисовалась крупная широкоплечая фигура охранника. Дима слегка оторопел. И этому детине дарить веер? И под каким соусом ему этот веер преподнести? Что сказать? Охранник сочтет Юрия Степановича совсем свихнувшимся старым пнем и по-своему будет прав. И все же Дима не видел другого выхода, кроме как подойти к охраннику и попытаться всучить ему веер. Может, не как подарок, а попросить подержать у себя. Что угодно, лишь бы тот веер взял.

Но пока Дима думал, охранник уже устремился на стоянку к своей машине. По всему было видно, что парень сильно спешит. На ходу он разговаривал по телефону, и часть разговора Дима услышал.

– Я уже бегу, Ляля! – отрывисто выкрикивал он. – Ты не волнуйся! Врач же сказал, процесс это не быстрый. Первые роды, бывает, у женщин целыми сутками длятся.

Похоже, у жены охранника начались роды. И тот бежал к ней со всех ног. Но Дима все равно попытался преградить тому дорогу. Охранник его узнал, но даже не притормозил, продолжал по телефону давать указания жене:

– Главное, ты дыши, Лялечка. Дыши, как доктор учил. Давай, вместе подышим.

Тут было не до веера. Да и можно ли было предугадать, что у некоей Лялечки именно в восемь вечера начнутся роды? Похоже, что охранник был не тем человеком, кому предназначался веер. И Дима вздохнул с облегчением, когда машина охранника укатила прочь. Соблазн всучить веер первому попавшемуся исчез. Нужно было вернуться назад к салону и ждать из дверей следующего претендента. Долго ждать не пришлось. Не прошло и пары минут, как дверь вновь отворилась, и оттуда вышла Люсенька. Как обычно при виде девушки, сердце у Димы дрогнуло и забилось чуточку быстрее.

Люсенька тоже его увидела, расцвела в улыбке.

– Юрий Степанович, что вы тут делаете? Неужели снова потеря? Как это обидно! Вы ведь только сегодня утром были у нас!

– Нет, нет, милое дитя, – задрезжал по-стариковски Дима. – Дело совсем в другом, голубушка.

– А в чем?

– Вы куда-нибудь торопитесь?

– Если честно, то да. У меня есть одно дело... Даже не дело, а так... Одним словом, меня ждут. Один человек меня ждет.

Неужели у нее свидание? И ревность царапнула Диму. Он испытующе посмотрел на Люсеньку. Не накрасена. Прическа – обычный хвостик. Одета в джинсы и футболочку.

И в таком виде на свидание? Впрочем, девушка ведь не сказала, кто именно ее ждет. Может, подруга или родственники.

И все же отступить было некуда.

И Дима сказал:

– Милое дитя, у меня есть для вас небольшой подарок.

– Ой, это лишнее. Я же ничего такого для вас не сделала.

– Вы – это лучший подарок, который вы могли сделать.

– Ах, какой вы милый, – приветливо улыбнулась ему Люсенька. – Вот если бы вы...

Она недоговорила, смутилась и покраснела. Но Дима все понял и так. «Вот если бы вы еще не были такой старой развалиной» – вот что хотела сказать Люсенька. Пожалуй, входя в образ престарелого пенсионера Юрия Степановича, он немного перестарался. Но кто же знал, что в салоне окажется такая очаровательная Люсенька, в которую Дима немножко влюбится.

– Люсенька, детка, так у меня для вас подарок.

И протянул ей запакованную коробочку.

– Примите. Это от чистого сердца.

И пока девушка распаковывала, а потом разглядывала подарок, Дима вещал:

– Вещица хранилась в моей семье много поколений подряд. Кажется, она принадлежала кому-то из моих прапрабабок. Как вы видите, вещица очень изящная, в свое время ее заказывали из Парижа и стоила она немало. Да и сейчас, если найти интересующегося человека, можно продать этот веер за хорошие деньги. Но мне деньги не нужны. Я уже стар и к тому же одинок. Мне некому завещать то, чем я владею. Поэтому примите этот небольшой подарок и оставьте его у себя на память обо мне или продайте, если будет такое ваше желание.

Дима ожидал, что девушка станет возражать, попытается вернуть подарок. Но Люсенька его удивила.

Она лишь подняла на него свои чистые голубые глаза и прошептала:

– Как вы узнали?

– Что? О чем я узнал?

– Как вы догадались, что именно мне сегодня будет больше всего нужно? Это... это же изумительно! Дорогой Юрий Степанович, я принимаю ваш подарок! Спасибо вам! Спасибо огромное!

И к еще большему удивлению Димы, девушка кинулась ему на шею! Обняла! А потом еще и чмокнула в щеку!! Похоже, подарок ей и впрямь оказался очень кстати. Настолько кстати, что на время девушка забыла и про приличия, и про свою стеснительность и робость. Но приступ безудержной радости прошел так же быстро, как и наступил. И вот уже Люсенька вновь закрылась в своей раковине-жемчужнице.

– Спасибо! Вы меня так выручили. Веер – это именно то, что мне сегодня и надо. Прощайте!

И она побежала прочь. Обернулась, на ходу помахала рукой и побежала дальше. Худенькая, легконогая, вся словно порыв ветра. И Диму невольно потянуло за ней. И хотя такой команды ему от клиента не поступало, он направился вслед за Люсенькой. Он ничего не мог с собой поделать. Он должен был узнать, куда именно направляется сегодня вечером Люсенька. Эта ее неприкрытая радость при виде старинного веера, который он ей презентовал, показалась Диме очень подозрительной. А эти ее слова, что этот веер именно то, что ей сегодня и нужно, выглядели необычайно странно.

Веер, да еще такой старинный, был в нынешнее время предметом далеко не первой необходимости. И все же Люсеньке он был нужен просто позарез. И именно сегодня. И куда же она направляется, что ей там этот веер ох как нужен? Дима был любопытен. Знал за собой эту черту, но недостатком ее не считал. Скорее даже наоборот. В его профессии любопытство было той отправной точкой, с которой и начинался всякий разыгрываемый Димой спектакль. Если

Диме был неинтересен сценарий, то он попросту отказывался играть. В этом был неоспоримый плюс его деятельности.

Впрочем, сначала Люсенька ничем особенным не занималась. Посетила салон красоты, откуда вышла с распущенными волосами и умело наложенным макияжем, который мигом превратил ее в неопишемую красавицу. Светлые волосы струились у нее по плечам, а сама девушка словно бы светилась изнутри. То ли пудра была со специальным эффектом сияния, то ли сверкание голубых глаз девушки отбрасывало свет на весь ее облик.

Но после салона красоты Люсенька забежала еще в несколько мест, которые никак в голове у Димы между собой не состыковывались. Сначала она заскочила в зубную клинику. Затем забежала на минуточку во Дворец творчества юных пионеров. И наконец, купила в аптеке баночку с детской присыпкой. Дима давно уже избавился от образа Юрия Степановича, сняв парик, очки, стариковский пиджак и завернув рукава рубашки. И теперь почти в своем натуральном облике – на лице еще оставалась часть грима – Дима неотступно следовал за Люсей.

Пока она перемещалась на своих двоих, все шло хорошо. Но затем девушка встала у остановки, где через несколько минут возле нее остановилось такси. Похоже, такси прибыло по предварительной договоренности. У Димы же машины под рукой не было. А проезжающие мимо него таксисты были либо заняты, либо не желали останавливаться, спеша к своим клиентам. Еще немного, и Люсенька ускользнет от него. И Дима решил!

Он выскочил на проезжую часть прямо перед колесами какого-то желтого автомобиля. Тот возмущенно загудел. Из салона высунулась перекошенная усатая физиономия. Но Дима не слушал обрушившихся на его голову проклятий.

– Умоляю! – кинулся он к водителю. – Дело жизни и смерти! Плачу два счетчика!

Это заявление быстро решило дело в его пользу. Таксист мигом сменил гнев на милость и позволил Диме сесть в свою машину.

– За подругой слежу. Ревную. Куда-то она намылилась сегодня. А куда, я хочу узнать.

К счастью, таксист и сам оказался ревнивцем. И всю дорогу он рассказывал Диме о многочисленных случаях измены, жертвой которых стал либо он сам, либо его друзья.

– Ладно, я – мужчина – изменяю своей женщине. Но женщина! Мне! Мужчине! Да как она смеет! Убивать надо этих потаскух! Убивать!

– Да, да, – кивал головой Дима, чтобы не злить еще больше водителя.

Но тот в комментариях попутчика и не нуждался.

– Раньше с этим дело обстояло уж как строго! Если женщина изменяла мужу или молодая девушка связывалась с мужчиной, их родственники сами казнили. А сейчас что? Посмотри по сторонам, что творится. Распустили их, потаскух!

Таксист так увлекся, что уже начал изобретать способы казни, которыми бы уничтожал гулящих женщин. Дима невольно краем уха слушал и так же невольно покрывался холодным потом. Что за злоба в сердцах у людей? Разве можно так жестоко осуждать других, когда и сам не без греха? Это ведь жуть, что этот мужик предлагает делать с неверными женами. А про неверных мужей ни гу-гу.

Как на беду, ехать пришлось далеко. Выехали из города. Миновали ближний застроенный высотными многоэтажными кварталами пригород. Въехали в зону частных домовладений. Миновали дамбу. Неподалеку за деревьями уже плескался залив, даже в мчащуюся по Приморскому шоссе машину проникал влажный воздух. Места вокруг были курортные, земля дорогая. А усадьбам, тянувшимся за высокими заборами, казалось, конца и краю не будет.

Вот и машина, на которой ехала Люсенька, притормозила у входа на территорию одной из таких усадьб. Дима отлично видел, как девушка выскользнула из машины, подбежала к дверям, которые тут же открылись, на мгновение осветив все вокруг каким-то противным желтым светом. И в пятне этого света Люсенька и растворилась.

– Не повезло тебе, друг, – с сочувствием в голосе произнес таксист. – По всему видно, богатый перец тут окопался. Вернуть девушку не получится, только убить!

Диме стало тоскливо. Он попрощался с таксистом, который настойчиво советовал забить неверную камнями или на худой конец закопать живьем в землю где-нибудь в ближайшем лесочке.

– Чтобы только башка наружу торчала! Только башка!

В наступившей темноте этот возглас прозвучал до того жутко, что у Димы по спине пробежала дрожь. Ох, не нравилось ему все это. И не то чтобы он имел на Люсеньку какие-то особенные виды и собирался ее наказывать. Вовсе нет, совсем другие чувства теснили Диме грудь. Он опасался, что Люсенька влипла в какую-то историю. И ему очень хотелось помочь девушке выйти из нее невредимой. А так как история Люсеньки вроде как переплеталась с его собственной историей, то Дима решил, что такой поступок будет не только благороден, но и оправдан.

– Для начала нужно узнать, что у них тут такое происходит.

А в том, что затевалось что-то грандиозное, Дима не сомневался. За то время, что он провел неподалеку от ворот усадьбы, перед ними остановилось не меньше пяти машин. Из всех выходили мужчины и женщины. Кто-то приезжал на такси, но некоторые прибывали на собственных машинах, которые парковали поблизости. Вскоре все пространство вдоль забора оказалось уставлено машинами. Некоторые же наиболее избранные проезжали на своих машинах на территорию усадьбы. Дима исхитрился подсмотреть, что же там за высокими воротами. Ничего необычного не было. Ровные дорожки. Аккуратно подстриженные кустарники. Горящие фонарики. Беседки. Зоны отдыха. Толпы гостей на полянке. И вдали огни самого дома.

– Какое-то мероприятие. И Люсенька на него приглашена.

Дима видел, что из такси девушка вышла с каким-то чехлом в руках. Вроде тех, в которых выдают вещи из чистки. Что там у нее могло быть? Бальное платье? Но когда девушка садилась в такси, ничего похожего в руках у нее не было. Значит, платье ей привез таксист? И что это за таксист такой, который возит с собой бальные платья для красивых девушек? Ясное дело, платье шоферу кто-то велел передать. И этот таинственный кто-то, скорей всего, и пригласил Люсеньку на бал. И Дима мысленно поздравил себя с тем, что запомнил номер машины Люсеньки. Если что, то в самое ближайшее время можно будет навести справки у этого таксиста. Кто ему дал платье? Зачем? С какими указаниями? Впрочем, Диме казалось, что и таксиста использовали вслепую, точно так же, как и самого Диму.

– А мне это решительно не нравится.

И Дима твердо решил, что никуда не уйдет, пока не разберется, что тут происходит за сборище такое. А народ все прибывал и прибывал. Играла музыка. В воздухе разносились ароматы вкусной еды. Если Дима хотел попасть внутрь, ему нужно было поспешить. Он вновь подошел к воротам и заметил, что при входе все приглашенные показывают охране маленькие кусочки картона. Они были разных цветов – желтые, голубые и зеленые. Форма их тоже была различна. Охранник брал очередное приглашение, прикладывал его к уже имеющимся и кивал – мол, проходите.

– Вроде как он из этих кусочков пазл складывает.

Но без заветного фрагмента пазла нечего было и думать сунуться внутрь. Нужно было срочно что-то предпринять. Дима, который уже давно избавился от седого парика, теперь нацепил его вновь. Надел очки и накинул на плечи пиджак. Затем он встал в сторонке, выглядывая свою жертву. Большинство прибывало парами или даже целыми компаниями, на таких Дима даже внимания не обращал. Диме был нужен кто-то один. И желательно молодой человек, потому что Дима уже заметил: розовые картонки отдают охране девушки, а голубые – мужчины.

Наконец, Диме повезло. Он увидел одинокодвигающегося вдоль здания молодого парня, который как раз в этот момент извлек из кармана портмоне и рылся в нем. И Дима понял: вот

он заветный шанс, нельзя его упустить! Если это не то, что ему нужно, то он уж и не знает, чего тогда ему ждать.

Дима согнулся в три погибели и заковылял к юноше, пошатываясь и жалобно постанывая:
– Милок! Слышь, милочек! А где это я?

В руках у Димы была палка, которую он очень кстати нашел тут же за деревьями. Палка была старой и корявой, но тем лучше, она отлично довершала новый образ Димы. Заблудившийся в лесу пенсионер, который полностью дезориентирован и нуждается в помощи.

– Часа два уже как плутаю.

– Вот ты даешь, дед! – засмеялся парень. – В трех соснах заблудился. Тут куда ни пойдешь, всюду жилье.

– А где станция, сыночек?

– Станция? Там. Только зачем тебе станция, дед? Иди на маршрутку. Автобусы еще ходят. Вполне успеешь на последний до города.

– И то верно. Куда идти, говоришь?

В это время Дима уже вплотную приблизился к парню. Потом сделал вид, что оступился, что падает. Парень начал поднимать, Дима делал вид, что встать не может. В суматохе он успел сунуть пальцы в портмоне и извлечь оттуда скользкий зеленый кусочек. Диме даже стараться не пришлось, тот словно бы сам скользнул Диме в ладонь.

– Ох, худо мне! – застонал Дима. – Водички бы!

– Ты даешь, дед! Где я тебе воды найду? До магазина метров двести назад топать.

– Ох, помираю!

Для убедительности Дима закатил глаза, так что остались одни белки, и очень правдоподобно захрипел.

– Тьфу ты! Подожди, дед, не кончайся! Вот не было печали! Навязался ты на мою голову, что же мне теперь делать?

– Воды! – слабо прошептал Дима. – Воды дай, сыночек!

И парень убежал. Такой славный паренек оказался. Диме даже стало немного стыдно, так он с ним поступал. Но ничего не попишешь, в жизни, как в игре, кто-то всегда выигрывает, а кто-то нет. После успешно совершенной кражи Дима отошел в ближайший лесок, там быстро снял парик и стариковский пиджак, избавился от грима на лице, а рукава своей рубашки закатал как можно выше. В конце концов, он регулярно посещал спортзал, и своих бицепсов Диме не пристало стыдиться. Какая-то из его подружек даже сказала, что у Димы тело античного бога. Конечно, это было явным преувеличением, но слышать такое в свой адрес все равно было приятно.

– Ну, вперед!

Дима очень надеялся, что никто не станет обращать внимание на его обувь, которая тоже была старомодной, как того требовал образ Юрия Степановича. Но что же поделать, если ему срочно понадобилось проникнуть на территорию противника.

Именно противника, потому что приличные люди по ночам балы за заборами не устраивают.

И Дима направился к воротам. В руках у него был резной кусочек картона в форме неправильной пятиконечной звезды. Правда, почему-то он был не голубой и не розовый, а зеленоватого цвета. Но Дима надеялся, что прокатит. И прокатило. Охранники взяли этот кусочек и приложили к пустому месту на большом куске плотной зеленой бумаги. Теперь Дима понял, что это были за кусочки и почему они были у всех разного размера и формы. Видимо, изначально три куска плотного двустороннего картона были разрезаны на разные кусочки, по числу ожидающихся гостей. Потом эти кусочки были заламинированы и переданы в качестве входных билетов. А у охранников на входе имелся план, как эти кусочки собирать, чтобы вновь собрался целый лист.

Тот кусочек, который принес Дима, был последним. И с его помощью зеленый лист закрылся.

– С обслугой все, – сообщил охранник с удовлетворением. – А ты, парень, новенький? Что-то я тебя раньше у нас не видел.

– Да. Я у вас новенький, – подтвердил Дима, стараясь не думать, что будет, когда появится тот, у кого он стянул пропуск.

Но охрана не обратила на него особого внимания. В это время подошла компания девушек, и у каждой в руках был по резному кусочку розового цвета. И охранники, стараясь найти им нужные места на плане, склонились над большим листом, который тут и там был утыкан розовыми кусочками. Дима понял, что розовые пропуска были для девушек. Голубые для парней. А зеленые предназначались для обслуги. Странные забавы у здешнего хозяина. Впрочем, когда у человека столько денег, он может позволить себе еще и не такие странности.

Дима поторопился унести ноги подальше от охраны на входе. Но как только они скрылись из виду, любопытство пересилило все остальные чувства. И Дима стал озираться по сторонам, пытаясь понять, что это за место, в котором он очутился. Очень скоро он совсем успокоился. Народу вокруг было великое множество, никто на Диму внимания не обращал, и гости все прибывали. Даже если охрана и поймет, что на территорию проник посторонний, вычислить Диму они уже не смогут, особенно если он снова немного изменит внешность.

Для этого Дима стянул забытую кем-то жилетку, в другом месте разжился темной маской. Он уже заметил, что очень многие щеголяют в масках, а кто-то даже и в маскарадных костюмах. На молодых людях были камзолы и кафтаны, шитые золотом и украшенные стразами, имитирующими драгоценные камни. А на девушках прелестные бальные платья – тяжелые бархатные, воздушные из органзы, кружевные, атласные, шелковые... У Димы прямо глаза разбежались, столько вокруг него было прелестниц из разных эпох и краев. Тут и древнеегипетские фараонши, и индийские принцессы, и европейские львицы, и просто красавицы в народных костюмах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.